

УДК 94(363.5)

СУЩНОСТЬ СУДЕБНЫХ РИТУАЛОВ В ЛАНГОБАРДСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ольга С. Шумягина^{1, @}

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@olyaket@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2016. Принята к печати 30.09.2016.

Ключевые слова:

лангобарды, судебные ритуалы, символичность, клятва, поединок, вражда, публичное дарение, консенсуальный характер власти.

Аннотация: В статье рассматриваются основные судебные ритуалы, сложившиеся в обществе лангобардов: очистительная клятва, дуэль, вражда и публичное дарение. Цель исследования – выявить сущность ритуалов, определить их функцию и место в системе судопроизводства.

Статья основывается на анализе правовых сводов лангобардских королей-законодателей: Ротари, Гримоальда и Лиутпранда. Для сравнения также привлекаются законодательные памятники других германских племен: салических франков, аламанных, баваров. Дается характеристика каждой отдельной процедуры с точки зрения символичности. Анализируется степень влияния традиционных представлений германцев и социальных реалий лангобардов на становление и характер сакральных процедур. Затрагивается проблема специфики королевской власти и ее деятельности по отношению к обычно-правовым механизмам и институтам контроля за соблюдением правовых норм.

По итогам исследования были выявлены основные сакральные процедуры, существовавшие в лангобардском обществе. Среди них – очистительная клятва, поединок, вражда или кровная месть, широко распространенный обряд публичного дарения. В процессе анализа перечисленных ритуалов были сделаны выводы о глубокой символичности судебных процедур в лангобардском законодательстве. Сакральные процедуры формировались длительное время под влиянием обычно-правовых представлений того или иного племени и являлись одним из основных механизмов регулирования поведения человека в обществе. Институты государственной власти с переменным успехом пытались оказывать влияние на обычно-правовую сторону жизни общества.

Для цитирования: Шумягина О. С. Сущность судебных ритуалов в лангобардском законодательстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 79–84. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-79-84.

Характерной чертой варварских законодательств является их приверженность разного рода ритуалам. Ритуальные процедуры играли важнейшую, если не первостепенную роль, в обществе и санкционировали его деятельность. Сакральные процедуры являлись неотъемлемым атрибутом в сфере судопроизводства, регулировали социальные и имущественные отношения. Попытаемся рассмотреть спектр судебных ритуалов, характерных для общества лангобардов, выявить их сущность. Основой для данного исследования послужили законодательные памятники лангобардов: эдикт Ротари, законы Гримоальда и Лиутпранда.

Любое варварское общество, в том числе и лангобардское, обладало рядом особенностей, что накладывало своеобразный отпечаток на различные сферы деятельности, что и отразилось в законодательстве. Казуистичность законодательства и присущая традиционному германскому мышлению символичность порождали совершенно уникальный феномен [1, с. 150–151]. Со временем между нормой-казусом, содержащей конкретные действия, и восстановлением гармоничного миропорядка устанавливалась прямая связь. Вследствие этого предписанные нормой

действия, процедуры возводились в ранг ритуала, приобретали сакральный символический характер [2, с. 287–288].

Одной из форм судопроизводства, ведущих свое начало от родового строя, являлась клятва очищения. Клятва приносилась лишь в тех случаях, когда на судебном обсуждении отсутствовали доказательства. Целью процесса при этом не было выяснение и доказательство фактов. Их очевидность происходила из самой очистительной клятвы [3, с. 60–62]. Видимо, клятва являлась наиболее распространенной и часто отправляемой формой ритуала. Об этом свидетельствует многократное обращение к ней в законах любого из лангобардских королей-законодателей (ст. 9, 143, 146, 153, 164–166, 195, 198, 202, 213, 237–232, 248, 264, 265, 342–345, 365, 381; ст. 2, 3, 4, 7; ст. 8, 11, 15, 56, 68, 70, 79, 81, 87, 93, 121, 133) [3, с. 17, 28–30, 32, 38–41, 44–46, 48, 49, 57, 61; 4, с. 65–67; 5, с. 70–71, 73, 84, 88, 91, 92, 94, 95, 104]. Путем принесения клятвы в обществе лангобардов решалось множество вопросов: снятие с человека обвинения в убийстве, насилии, клевете, краже; споры

о наследовании имущества; заключение залоговых сделок и др.

Ритуал очистительной клятвы был напрямую взаимосвязан с не менее древним институтом соприсяжничества. Количество соприсяжников обычно определялось в пределах 12 человек. Среди обязательных условий следует отметить наличие состояния свободы у приносящих клятву. Обычно роль соприсяжников выполняли родичи или же «сотоварищи» (ст. 359) [3, с. 59]. Соприсяжничество было развито у всех германцев. В титулах Салического закона «О выкупе руки из котелка» [6, с. 51–52], «О горсти земли» [6, с. 55–56] мы обнаруживаем совершенно идентичную процедуру свидетельствования, направленную на очищение виновного лица или же на санкционирование каких-либо ритуальных процедур. В случае с лангобардами интерес представляет терминология, применяемая по отношению к институту соприсяжничества. Наряду с наиболее употребимым латинским термином *legitimus sacramentales* (ст. 153) [3, с. 30], единожды встречается синонимичный термин германского происхождения *aïdos* (ст. 359) [3, с. 59], что свидетельствует о древности и исконности данного института у лангобардов. Единичное его употребление, скорее всего, свидетельствует о постепенном вытеснении традиционной терминологии латинской. Однако по отношению к институту соприсяжничества термин «*sacramentales*», по нашему мнению, является достаточно удачным синонимом, так как отражает саму суть процесса принесения клятвы, его символичность. Соприсяжник по сути не является свидетелем в современном понимании или в понимании традиционного римского права. Соприсяжник – это участник некоего таинства, в процессе исполнения которого и рождается истина.

Поединок также представлял собой одну из форм судопроизводства. Практика проведения поединков является попыткой общества поставить под контроль агрессию, свойственную к проявлению в варварских обществах. В силу невозможности полностью искоренить насилие необходимо было ограничить его определенными социальными рамками. Поединок определял рамки вражды, позволял разрешить проблему ограниченному кругом лиц, предотвращая тем самым стремление к дальнейшей мести. Исход поединка был непререкаем, санкционировался высшими силами и не мог быть подвергнут апелляции. Правое должно победить, если друг другу противопоставляются спорящие не на жизнь, а на смерть [7, с. 219].

В «Эдикте Ротари» мы встречаем достаточно интересную статью законодательства, которая под разными углами рассмотрения может быть истолкована двояко. Статья 368 [3, с. 61] регламентирует порядок проведения поединка, а если быть точнее – запрещает использование магических предметов в процессе отправления ритуала. На первый взгляд может показаться, что запрет такого рода нацелен на устранение налета дохристианских традиций с самого процесса поединка. Однако, если вспомнить о том, что мышление лангобардов традиционно и глубоко символично,

то можно прийти к совершенно противоположному мнению. Статья не только не лишала процесс поединка символичности, а наоборот укрепляла его метафизическую основу. Статья 368 [3, с. 61] в качестве своей цели предусматривала уравнивание состоящих в условиях на всех этапах поединка. Применение магических атрибутов, талисманов могло нарушить ход поединка, ввести в заблуждение высшие силы, выступающие в качестве арбитра, дать преимущество неправой стороне и, как следствие, привести к ложному исходу. Таким образом, данная статья эдикта только уверяет нас в значимости рассматриваемого ритуала, нерушимости его принципов.

Очистительная клятва и поединок являются универсумом древнегерманского общества и несут на себе отпечаток военной организации общества лангобардов [8, с. 95–97]. Оружие играет значимую роль в проведении очистительных процедур. Символ оружия встречается в законодательствах прочих варварских государств: в Салическом законе, законе аламанных, баваров, – а на севере Европы распространен повсеместно. «Если кто обвинит другого в том, что он бросил (в сражении) свой щит» [6, с. 34], «то разрешается тому, кому вменяется преступление, с обнаженным мечом против другого оправдаться» [9, с. 171–172], «то они должны выйти на суд божий и выступить на поединке, и кому бог даст победу, тому верьте (это должно происходить в присутствии народа, чтобы никто не погиб из ненависти)» [10, с. 250]. Если дело решается посредством поединка, то обязательным атрибутом очищающегося является щит: «со щитом в руках посредством поединка» (ст. 164–166) [3, с. 33]. В случае же с очистительной клятвой освященное оружие является альтернативой Евангелию (ст. 359, 363, 366) [3, с. 59, 60, 61]. Конечно, к клятве на оружии можно было прибегать далеко не всегда, а лишь при небольшой степени тяжести преступления, оцениваемого не выше 20 солидов. Но сам факт санкционирования использования оружия в процессе судопроизводства свидетельствует не только о сохранении древнегерманских традиций, но и о степени их укоренения в лангобардском обществе, которое не было готово расстаться с обычно-правовыми представлениями.

Особое положение среди судебных процедур занимает вражда или кровная месть, как ее чаще принято называть. Вражда выступала в качестве социально одобряемого регулятора отношений, возникающих на почве разнообразных конфликтов. Институт королевской власти у лангобардов не имел прочной опоры в лице государственных структур. Они были плохо структурированы и крайне немногочисленны. Ко всему прочему, постоянную конкуренцию королю составляли местные герцоги [11, с. 422–424]. В условиях слабости королевской власти, носящей скорее консенсуальный, нежели авторитарный или деспотический характер, и незавершенности формирования государственных институтов, в том числе в таких сферах, как судопроизводство и контроль за соблюдением правовых норм, вражда выступала в качестве основного механизма регулирования поведения че-

ловека в обществе. Традиционные механизмы регулирования были направлены на получение равного воздаяния за совершенное преступление и на достижение гармоничного миропорядка.

Ко всему прочему, вражда была напрямую связана с понятиями чести и достоинства не только пострадавшего лица, но и всей его семьи. При установлении типов родственных связей законодательство оперирует термином родственная группа, которая исчисляется до 7 колена. Однако на практике эти группы представляют собой куда более узкий круг, состоящий из ближайших родичей. По наблюдению автора, в законах в большинстве случаев фигурирует ограниченный круг родственников, а именно: отец, мать (в тексте используется крайне редко, только в том случае, если дело касается передачи имущества женщины детям), законнорожденный и незаконнорожденный сын и дочь (братья и сестры), дядя по отцу, двоюродные братья (ст. 163) [3, с. 32]. Право мундиума над женщиной в семье распространялось на отца, братьев, вне зависимости от того, законнорожденные они или нет, и ближайших родичей, под которыми, судя по всему, понимались дядя по отцу и двоюродные братья. Именно на указанную группу лиц возлагалась ответственность за оправдание женщины в суде. Вергельд за убитого человека выплачивался семье в соответствии со степенью родства. В случае отсутствия ближайших родичей право получения вергельда переходило к королевскому двору. Аналогичная процедура характерна и для передачи имущества по наследству. Следовательно, позор, нанесенный свободному лангобарду, автоматически распространялся на всю родственную группу, так как ее члены были связаны друг с другом взаимными обязательствами.

Однако применение принципа возмездия при отпущении правосудия не всегда способствовало примирению, скорее наоборот, могло вызвать цепную реакцию с множеством смертельных исходов среди враждующих. Поэтому само общество и государство стремились найти более приемлемые способы регулирования вражды. Статьи 45, 74, 75 [3, с. 21, 23] «Эдикта Ротари» устанавливают достаточно высокие выплаты как за нанесение телесных повреждений, так и за случаи со смертельным исходом. Более того, статья 74 [3, с. 23] указывает на значительное увеличение штрафных санкций по сравнению с теми, что были положены древними. В то же время законодательство свидетельствует о тщетности попыток государственного регулирования института вражды, так как, исходя из текста статьи 143 [3, с. 28], в некоторых случаях противостояние продолжалось и после получения предназначенного штрафа, и никто, даже государство, не мог предотвратить отправления возмездия.

Среди традиционных социальных ритуалов лангобардов следует обратить внимание на процедуру отпущения раба на свободу, а также на процедуру передачи имущества. Оба действия базируются на германском понятии *thinx* / *gairethinx*, трактовка которого неоднозначна. Возможно предположить, что под данным термином лангобарды подразумевали публичные дей-

ствия в собрании, что в некоторой степени не лишено смысла. Считается, что до вторжения в Италию и в первоначальный период проживания там у лангобардов существовало свое общеплеменное собрание *thinx*, звучащее на лангобардском диалекте как *gairethinx* [7, с. 236]. Однако стоит отметить, что в тексте законодательства не прослеживается прямых параллелей между *thinx* и собранием. Само существование собрания у лангобардов является вопросом дискуссионным, но автор полагает, что отсутствие в законах прямой информации о традиционном институте контроля за исполнением правовых норм не может в полной мере свидетельствовать о его отсутствии в реальной жизни общества. Сложно представить, что в условиях, когда королевская власть не обладала мощными рычагами воздействия, не существовало обычно-правовых институтов контроля. Скорее всего, на местах проводились сходки или собрания, на что косвенно указывают некоторые статьи, но в силу специфичности для разных территорий они уже не ассоциировались с некогда существовавшим общеплеменным собранием. В основу другой гипотезы положена идея о подмене значения термина *thinx* на совершенно иное, не совпадающее с изначальным его пониманием. Так, статья 172 [3, с. 33] «Эдикта Ротари» напрямую сопоставляет понятие *thinx* и дарение, подразумевая их равнозначность. Производные от *thinx* глагольные формы *thingare*, *thingaverit* по контексту статей обозначают акт дарения, процедуру передачи каких-либо благ. Следовательно, автор полагает, что под термином *thinx* лангобарды могли подразумевать «дарение». Однако возникает вопрос, как применить данную теорию на способы отпущения на свободу, ведь данные процедуры не подразумевают акт дарения в том виде, в котором его рассматривает статья 172 [3, с. 33]. По нашему мнению, отпущение раба на свободу носил реципрокционный характер. Господин даровал свободу своему рабу, который взамен в знак благодарности продолжал служить ему, но уже как патрону. Таким образом происходил взаимообмен нематериальными благами. Но не исключено, что вместе со свободой благодетель мог одарить своего вольноотпущенника и некоторыми материальными вещами. Между лицами, прежде выступавшими как раб и хозяин, сохранялась связь, зачастую переходящая из поколения в поколение. Мы предполагаем, что возможен синтез обеих гипотез, на основании которого термин *thinx* можно трактовать как публичное дарение.

Посредством публичного дарения, как уже было упомянуто, производилась процедура отпущения раба на свободу. Однако помимо символического названия она содержала в себе и другие сакральные элементы.

Во-первых, это акт передачи зависимого лица через четыре руки, что, насколько мы можем судить, производилось на местных собраниях, речь о которых шла выше.

Во-вторых, специфичным является символ перекрестка или четырех дорог. Его смысловую направленность можно истолковать по-разному. С одной стороны, перекресток как конечный пункт процедуры освобо-

ждения может расцениваться как граница и символ того, что бывший раб мог себе выбирать новую дорогу в жизни. С другой стороны, существует мнение, что символ берет свое начало из традиционного способа поселения лангобардов, где перекресток являлся центром, а следовательно и самым значительным местом, где, возможно, и проводились собрания [7, с. 156].

Обряд публичного дарения был также напрямую связан с передачей имущества, которая осуществлялась при полном отсутствии наследников в пользу неродственного дарителю лица. Дарение не является специфической формой передачи имущества, свойственной только для лангобардов. Наличие подобной процедуры под термином «аффагомия» просматривается и в законодательстве салических франков [6, с. 46–47].

Интерес представляет дарение с *launegild*, то есть с возмещением. Скорее всего, данная форма носит реципрокационный характер. Реципрокационный обмен в традиционном обществе предполагал, что на каждый преподнесенный дар должен был быть получен ответный, пусть даже формальный. Если же процедура нарушалась, то лицо, не способное отблагодарить дарителя, попадало в некую зависимость от последнего, нарушался общественный порядок. Законодательство лангобардов содержит несколько постановлений, регулирующих данную форму имущественных отношений. Статья 175 [3, с. 34] «Эдикта Ротари» законодательно устанавливает порядок дарения с *launegild*, при котором возмещение не обязательно является равноценным подаренному. Достаточно, чтобы оно было ему подобным. Право на получение *launegild* действовало достаточно длительный период, так как обязанность возмещения распространялась не только на одариваемого, но и на его наследников. Законодательство рассматривает и отдельный казус дарения с *launegild*: за подарок, врученный невесте в день заключения брака, обязательная выплата *launegild* возлагалась на ее законного мундоальда, то есть супруга (ст. 184) [3, с. 36].

Напоследок отметим, что ритуал в законодательстве лангобардов не ограничивается вышеназванным перечнем процедур. Мы обратили внимание лишь на наиболее значимые традиции древнегерманского права, нашедшие отражение в законодательстве. За рамками исследования остаются более мелкие, употребляемые

в исключительных случаях ритуалы и символы: приобретение вещи путем закрепления её поверх колена (ст. 260) [3, с. 48]; связывание рук при поимке в момент нарушения норм права (ст. 32, 33, 264) [3, с. 20, 48, 49]; троекратное напоминание о необходимости возврата долга (ст. 245, 246) [3, с. 46].

Подводя итоги, следует сказать, что традиционные судебные ритуалы являются характерной чертой всех германских обществ, в том числе и лангобардов. Эволюционировавшие из норм-казусов, порожденные символическим мышлением германцев сакральные процедуры становились важнейшими традиционными механизмами регулирования во всех основных сферах общества: судопроизводство, общественные и имущественные отношения. Законодательство лангобардов содержит множество сакральных процедур, основными из которых являются очистительная клятва, поединок, вражда или кровная месть, отпуск на свободу и передача имущества посредством публичного дарения. Каждый символический акт основывался на тех или иных обычно-правовых представлениях лангобардов, отразил в себе социальные реалии общества. Процедура принесения очистительной клятвы была напрямую связана с характерным для всех германских племен институтом соприсяжничества и представляла собой некое таинство установления справедливости, нежели попытку выяснения истины. Поединок представляет собой форму легализации вражды. Прибегая к нему, члены общества ограничивали круг вражды, вверяли функции судопроизводства высшим силам, способным разрешить конфликт справедливо. Вражда, носившая характер возмездия и покрывавшая позор, в большинстве своем основывалась на принципах родственных связей, сложившихся в обществе и характеризующихся взаимными семейными обязательствами по отношению друг к другу. Наконец, обряд публичного дарения, имевший в своей основе глубинные корни, носил реципрокационный характер.

Стоит отметить, что королевская власть, законодательно закрепляя те или иные сакральные процедуры, в то же время пыталась и ограничить их сферу влияния, вытеснить их значение на периферию с целью занять освободившуюся нишу собственными рычагами воздействия.

Литература

1. Дубровский И. В. На развалинах Западной империи. Рим и варвары // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: Наука. 2012. С. 141–158.
2. Золотарев А. Ю. «*Dictaverunt legem... per proceres ipsius gentes*»: апелляция к предкам и традиции как средство легитимации законодательства в раннесредневековой Западной Европе // Средние века. 2013. Вып. 74. С. 287–297.
3. Эдикт короля Ротари // Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. С. 15–64.
4. Законы короля Гримоальда // Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. С. 65–67.
5. Законы короля Лиутпранда // Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. С. 68–115.
6. Салическая правда. М.: Образц. тип. им. Жданова, 1950. 168 с.

6. Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени к (раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. 288 с.
7. Gasparri S. Kingship rituals and ideology in Lombard Italy // *Rituals of Power from Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Ed. F. Theuvs, J. L. Nelson. Leiden, Boston, 2000. P. 95–115.
8. Аламаннская правда // Данилова Г. М. Аламаннское и баварское общество VIII – начала IX веков. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 158–190.
9. Баварская правда // Данилова Г. М. Аламаннское и баварское общество VIII – начала IX веков. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 245–288.
10. Jarnut J. Gens, rex and regnum of the Lombards // *Regna and gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world*. Ed. Hans-Werner Goetz. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 409–429.

THE MEANING OF JURIDICAL RITUALS IN LANGOBARDIC LAW

Olga S. Shumyagina¹.@

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@olyakem@yandex.ru

Received 26.07.2016. Accepted 30.09.2016.

Keywords: the Langobards, judicial rituals, symbolical character, oath, duel, hostility, public donation, consensual character of the power.

Abstract: The article deals with the main juridical rituals in the Langobardic society: purification oath, duel, hostility and public donation. The purpose of the study is to determine the meaning of the rituals, their function and place in the proceedings.

The article is based on the analysis of law codes compiled by such royal lawmakers as Rothari, Grimoald and Liutprand. Legislative sources of other Germanic tribes such as the Salian Franks, the Alemanni and the Bavarians are used for comparison. Every procedure is characterised in the context of symbolism. The article features the influence of traditional beliefs of Germans and social realia of the Langobards on the sacral procedures formation and principles. It also introduces the problem of the specifics of royal power and its activity in relation to the ordinary law mechanisms and the institutes of control on the compliance to the legal norms. The study reveals the main sacral procedures that existed in Lombard society such as cleansing vow, duel, enmity or blood feud, public donation.

According to the results, a conclusion was made about the deep symbolism of the juridical rituals in the Langobardic legislation. Sacral procedures formed under the influence of ordinary legal ideas of the tribe were one of the main mechanisms of control of people's behaviour in their society. Institutions of state power, with varying success, tried to influence the ordinary legal side of society.

For citation: Shumyagina O. S. Sushchnost' sudebnykh ritualov v langobardskom zakonodatel'stve [The Meaning of Juridical Rituals in Langobardic Law]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 79–84. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-79-84.

References

1. Dubrovskii I. V. Na razvalinakh Zapadnoi imperii. Rim i varvary [On ruins of the western empire. Rome and barbarians]. *Vsemirnaia istoriia. T. 2. Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka* [World history. Vol. 2. Civilizations of the West and East of the Middle Ages]. Ed. Uvarov P. Iu. Moscow: Nauka, 2012, 141–158.
2. Zolotarev A. Iu. «Dictaverunt legem... per proceres ipsius gentes»: apelliatsiia k predkam i traditsii kak sredstvo legitimatsii zakonodatel'stva v rannesrednevekovoi Zapadnoi Evrope [«Dictaverunt legem... per proceres ipsius gentes»: the appeal to ancestors and tradition as means of legitimation of the legislation in early medieval Western Europe]. *Srednie veka = Middle Ages*, no. 74 (2013): 287–297.
3. Shervud E. A. *Zakony langobardov: Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu etnogenezu ital'iantsev)* [Lombardic law: Customary law of the Old German tribe (to early ethnogenesis of Italians)]. Moscow: Nauka, 1992, 15–64.
4. Shervud E. A. *Zakony langobardov: Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu etnogenezu ital'iantsev)* [Lombardic law: Customary law of the Old German tribe (to early ethnogenesis of Italians)]. Moscow: Nauka, 1992, 65–67.

5. Shervud E. A. *Zakony langobardov: Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu étnogenezu ital'iantsev)* [Lombardic law: Customary law of the Old German tribe (to early ethnogenesis of Italians)]. Moscow: Nauka, 1992, 68–115.
6. *Salicheskaja Pravda* [Salic law]. Moskow: Obrazth. tip.im. Zhdanova, 1950, 168.
7. Shervud E. A. *Zakony langobardov: Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu étnogenezu ital'iantsev)* [Lombardic law: Customary law of the Old German tribe (to early ethnogenesis of Italians)]. Moscow: Nauka, 1992, 131–276.
8. Gasparri S. Kingship rituals and ideology in Lombard Italy. *Rituals of Power from Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Ed. Theuvs F., Nelson J. L. Leiden, Boston, 2000, 95–115.
9. Danilova G. M. *Alamanskoe i bavorskoe obshchestvo VIII – nachala IX vekov* [Alamansky and Bavarian society VIII – the beginnings of IX centuries]. Petrozavodsk: Karelia, 1969, 158–190.
10. Danilova G. M. *Alamanskoe i bavorskoe obshchestvo VIII – nachala IX vekov* [Alamansky and Bavarian society VIII – the beginnings of IX centuries]. Petrozavodsk: Karelia, 1969, 245–288.
11. Jarnut J. Gens, rex and regnum of the Lombards. *Regna and gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world*. Ed. Goetz H. Leiden; Boston: Brill, 2003, 409–429.